

Ф.О. ТРУНОВ *

К ВОПРОСУ СХЕМЫ СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ПРИМЕР ФРГ

Аннотация. В реалиях XXI в. вооруженные силы стран мира сталкиваются с необходимостью противодействия резко возросшему спектру угроз безопасности, прежде всего нетрадиционных (невоенного характера), проецируемых, в том числе из отдаленных регионов. Эффективный ответ может быть обеспечен лишь посредством структурной реформы «военной машины» государства. В отличие от XX в., в основе преобразований лежит принцип развития не «вширь» (учреждения новых родов войск), но «вглубь». Речь идет о создании межродовых сил с четким разделением ответственности по географическому (оперирование на ближних и дальних рубежах от границ государства) и функциональному (характер угроз безопасности) принципу.

Задача статьи состоит в исследовании самой схемы структурной реформы вооруженных сил и ее реализации на примере бундсвера. Этот выбор обусловлен уникальным положением Германии как едва ли не единственной «восходящей державы» среди стран – участниц Евро-Атлантического сообщества.

В статье раскрываются особенности и «узкие места» определения Германской схемы строительства перспективных вооруженных сил, ее реализации в 1990-е – середине 2010-х годов. Изучаются практические результаты в деле создания сил кризисного реагирования и преобразований сил общего назначения применительно к основным родам войск (армия, ВМС, ВВС). Показывается изменение траектории развития бундсвера со второй половины 2010-х годов в контексте долгосрочных планов по завершению его структурной реформы.

---

* **Трунов Филипп Олегович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия, Москва), e-mail: 1trunov@mail.ru

Делается вывод о значимости институциональных преобразований вооруженных сил для государств мира и ФРГ в частности, особенностях динамики данного процесса в случае бундесвера.

Ключевые слова: Германия; бундесвер; реформа; перспективный облик вооруженных сил.

Для цитирования: Трунов Ф.О. К вопросу схемы структурных реформ современных вооруженных сил: пример ФРГ // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 187–206. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.07>

Рост числа угроз безопасности, особенно невоенных (нетрадиционных) и гибридных, в том числе проецируемых из отдаленных регионов, в XXI в. предъявляет качественно новые требования к возможностям вооруженных сил (ВС) государств мира, особенно ведущих. Насколько эффективность «военной машины» может быть повышена посредством институциональной (структурной) реформы? Этот вопрос пока недостаточно освещен в научных исследованиях. Определенный задел был создан в изучении отечественного опыта – как в исторической ретроспективе, включая период СССР [Военная история ..., 2015, с. 653–671], так и современной России – в частности, преобразований после «августовской войны» (2008) [Nichol, 2012]. Интерес представляет и изучение опыта перестройки вооруженных сил группой стран постсоциалистического пространства в период их подготовки к вступлению в НАТО, в конце 1990-х – середине 2000-х годов [Forster, Edmunds, Cottey, 2002].

В статье предпринята попытка изучить на примере ФРГ процесс структурной реформы ВС и особенностей ее реализации на практике. Германия – это во многом уникальный пример национальной модели строительства вооруженных сил, отнюдь не типичный. Традиционно, до безоговорочной капитуляции во Второй мировой войне, германо-прусское государство отводило большую, во многом решающую, роль использованию военно-силового потенциала в своей внешней политике. Истеблишмент ФРГ последовательно демонстрировал пересмотр этого положения, придерживаясь принципа «стратегической сдержанности» в вопросах создания и особенного использования бундесвера» [The Bundeswehr on operations ..., 2009, p. 2–42]. Вместе с тем без обеспечения эффективного с точки зрения противодействия угрозам безопасности военного присутствия на мировой арене Берлинская

республика не сможет утвердиться в статусе глобальной державы, к чему ее истеблишмент де-факто стремится достаточно последовательно.

Показательно в связи с этим, что именно в 2020 г., даже на фоне пандемии COVID-19, приведшей к временной «заморозке» мирополитических процессов, интерес к изучению перспектив реорганизации бундесвера резко возрос [Bartels, Glatz, 2020; Vogel, 2020] по сравнению с предшествующими десятилетиями [Синдеев, 2015]. Активное обсуждение структурных изменений аналитиками «Фонда науки и политики» («Stiftung Wissenschaft und Politik»), наиболее крупного «мозгового треста», занимающегося вопросами безопасности и обороны, отчетливо свидетельствует о растущей значимости бундесвера во внешнеполитическом планировании и деятельности ФРГ, а, следовательно, и поиске путей его наиболее эффективного развития.

1

В XX в. окончание крупнейших конфликтов приводило не только к масштабным сокращениям численности вооруженных сил, но и к их последующей глубокой модернизации. Ключевыми составляющими этой модернизации выступали: создание новых (прежде всего технических) родов войск и увеличение боевых возможностей каждого подразделения существующих. Так, после окончания Первой мировой войны в вооруженных силах ведущих государств стали бурно развиваться бронетанковые войска и авиация, – особенно заметно с первой половины 1930-х годов; параллельно существенно повышалась огневая мощь стрелковых (пехотных) войск и артиллерии [Дайнес, 2001, с. 202–217]. По завершении Второй мировой войны все они стали моторизованными, технические рода войск продолжили наращивать свой потенциал, а с конца 1950-х – в 1960-е годы сверхдержавами начали создаваться ракетные войска [Пронько, 2001, с. 410–436].

Показательно, что основная фаза *структурных (институциональных)* преобразований вооруженных сил обычно стартовала спустя определенный промежуток времени (5–12 лет) после окончания крупного военного конфликта. Чем это было обусловлено? С одной стороны, истощенностью ресурсной базы, требовавшейся для создания весьма дорогостоящих и трудоемких (с точки зрения

привлекаемых объемов научного и производственного потенциалов) качественно новых технических родов войск. С другой стороны, временем, которое требовалось для четкого определения изменившихся (по сравнению с предшествующей войной) угроз и вызовов национальной безопасности. Учет данных угроз традиционно приводил к изменениям организационно-штатной структуры вооруженных сил [Штеменко, 1974, с. 6–26], тем самым формируя целеполагание негативного характера. Одновременно существовало и позитивное целеполагание – обеспечение присутствия в различных регионах мира.

Здесь необходимо отметить, что до второй половины XX в. вооруженные силы государств, в том числе ведущих, использовались по прямому назначению – для ведения боевых действий, особенно в ходе крупномасштабных конфликтов. В период «классической» холодной войны и, прежде всего, в реалиях постбиполярного миропорядка на первый план вышло уже не силовое применение войск, но демонстрация готовности к его осуществлению в предельно эффективных формах, т.е. стремительному нанесению противнику значительного ущерба. Параллельно вооруженные силы все активнее стали применяться для решения небоевых задач, особенно в области поддержания мира. Чем были вызваны данные изменения? С одной стороны, развитием ракетно-ядерного потенциала. Это де-факто существенно понизило вероятность крупномасштабных конвенциональных конфликтов, учитывая риск их перерастания в войны с массированным применением оружия массового поражения (ОМП). С другой стороны, ростом нетрадиционных (невоенных) угроз безопасности – в частности, неконтролируемое перемещение масс беженцев / мигрантов; распространение и активизация международного терроризма; трансграничное контрабандное перемещение оружия, боеприпасов, взрывчатых и наркотических веществ. Территориально данные риски проецировались из нестабильных стран, т.е. охваченных вооруженными конфликтами, на широкий круг международных акторов. В сопоставлении с холодной войной число зон нестабильности в реалиях постбиполярного миропорядка существенно возросло. Если исторически основными источниками угроз безопасности и обороны государства были другие государства, то в современных реалиях таковыми во многом являлись уже негосударственные акторы – прежде всего, структуры международного терроризма, активно

вступавшие в симбиотические отношения с силами организованной преступности. Это требовало безотлагательной реакции широкого круга государств, в том числе посредством запуска институциональных преобразований их «военных машин». Значительно усложнялся, требуя существенно большего времени и усилий, процесс осмысления природы новых источников угроз. Это, с точки зрения автора, выступало *первой* причиной трудностей на пути строительства перспективных вооруженных сил в XXI в., способных бороться с военными структурами не только других государств, но и негосударственных акторов.

Вторая причина – отсутствие заметного технико-технологического «рывка» и тем более революции в военном деле с точки зрения массового внедрения вооружений, действующих на новых физических принципах. Трендом развития широкого спектра «военных машин» – от армий национальных государств (прежде всего, обладающих развитым научным потенциалом и производственной базой) до незаконных вооруженных формирований (НВФ) – выступает использование автоматизированной техники, особенно беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Вместе с тем пока масштабы внедрения этой техники в регулярные вооруженные силы (не говоря уже о НВФ) невелики, хотя этот процесс идет уже 10–20 лет. Де-факто достаточно плотное насыщение автоматизированной техникой, прежде всего БПЛА, наблюдается лишь в случае ударных (повышенной боевой готовности и особенно сил специальных операций) подразделений.

Что означают данные трудности для поиска эффективной модели структурной реформы вооруженных сил? Очевидно, что в реалиях конца XX – начала XXI в. этот процесс должен осуществляться не только и не столько «вширь» (т.е. посредством создания новых родов войск), но, прежде всего, «вглубь». Под структурной реформой ВС автор в *узком* смысле подразумевает создание постоянных межродовых / межвидовых военных механизмов. Такие преобразования должны придать вооруженным силам качественно новые возможности как с функциональной (противодействие растущему спектру вызовов и угроз), так и географической (действие как в пределах территории своей страны и государств-союзников, так и вне их) точек зрения. В более *широком* смысле структурные реформы ВС обозначают движение по пути создания двусоставных вооруженных сил, т.е. наличия в «военной машине» государ-

ства сразу нескольких органично сочетающихся компонент. *Одна* из них, составленная преимущественно из «тяжелых» войск, т.е. насыщенных различными видами одноименных вооружений и военной техники (ВиВТ), предназначена для борьбы с традиционными (имеющими четко выраженный военный характер) угрозами, притом должна действовать в основном вблизи границ государства. Для обозначения данной части вооруженных сил уместно использовать термин «силы общего назначения» (СОН).

Другая компонента – это «легкие» войска, предназначенные для противодействия широкому спектру угроз, прежде всего нетрадиционных, притом вдали от территории государства. Их уместно называть силами кризисного реагирования (СКР). Эти войска должны быть способны к быстрым перемещениям на весьма значительные расстояния, в том числе трансконтинентальным и трансокеанским переброскам. Иными словами, речь идет о способности оперативно развернуться в любой точке (сухопутной, морской) земного шара и быть способными автономно и полноценно функционировать. Соответственно, при создании «легких» сил на первый план выходит насыщение их широким ассортиментом транспортной техники (наземной, дублирующим комплектом воздушной, а по возможности и морской), а также предоставление каждому бойцу средств спутниковой связи и навигации. В авангарде с точки зрения скорости оснащения данными средствами в бундесвере, как и ВС других стран мира, находились силы специальных операций.

Даже в случае государств, имеющих благоприятную внешнеполитическую обстановку у своих границ (окружение из стабильных государств-союзников), силы общего назначения с точки зрения численности личного состава, единиц парка ВиВТ должны как минимум вдвое превышать СКР.

Сам принцип превращения вооруженных сил в двусоставные отнюдь не нов для военной истории. Так, в регулярных армиях мира традиционно существовало разделение на полевые (более боеспособные) и гарнизонные войска. В ходе военной реформы РККА, разработанной М.В. Фрунзе, была реализована идея параллельного существования кадровых и территориальных (милиционных) формирований. В период «классической» холодной войны сухопутные войска практически всех государств-участников состояли из кадро-

вых (имевших высокую степень укомплектованности в мирное время) и кадрированных соединений [Пронько, 2001].

Однако приведенные примеры в ряде аспектов существенно отличались от изложенной выше схемы структурных реформ. Прежде всего, указанные виды вооруженных сил государства предназначались к использованию на его территории или в относительной близости от его границ. Притом в последнем случае заграничное применение группировок войск опиралось на сплошной по географическому покрытию тыл, проходивший по всем землям, отделявшим линию использования войск (фронта) от территории государства – обладателя данной «военной машины» [Атлас офицера, 1979, с. 218–286]. Это условие существенно усложняло, делая весьма трудоемким, массовое применение войск на расстоянии даже в несколько сотен километров от границ государства, не говоря о трансконтинентальной передислокации – способностью к ней обладала лишь относительно небольшая часть ВС (в частности, в случае США – соединения Корпуса морской пехоты и ударные воздушные эскадры).

Значимо и иное отличие: в представленных исторических примерах часть сил (вторая их составляющая) заведомо состояла из существенно менее боеспособных войск, представляя собой слабое дополнение. В изложенной же схеме структурных реформ СКР и СОН должны быть составлены из подразделений и частей, укомплектованных по полным штатам и имеющих как минимум сопоставимый друг с другом уровень боеспособности.

В связи с этим уместно привести еще один пример, на первый взгляд, более близкий, из военной практики: это «военные машины» колониальных держав, состоящие из войск, предназначенные для обороны самой метрополии (в Европе), и сил, действующих исключительно в колониях (прежде всего, в Африке и Азии). Здесь налицо четкое географическое разделение, характерное и для СОН, и для СКР. Вместе с тем необходимо сделать ряд оговорок. Так, уровень технического оснащения колониальных войск в подавляющем большинстве случаев (возможно, лишь за исключением колониальных войн Четвёртой республики в Индокитае и Алжире [Дэвидсон, 2002, с. 57–202]) был существенно ниже, чем у сил, дислоцированных в метрополии. Данный факт был обусловлен тем, что колониальным войскам приходилось вести

бои не с регулярными армиями, а преимущественно с иррегулярными формированиями покоряемых народов.

СКР «заточены» на борьбу с НВФ, создаваемыми, прежде всего, структурами международного терроризма. Де-юре такие НВФ иррегулярны, однако уровень их организованности, боеспособности (в том числе за счет постоянной идеологической «накачки») и, что не менее важно, способность к перегруппировкам и восстановлению утраченного потенциала весьма высоки [Kinzel, 2020, S. 2–4]. Соответственно, к СКР предъявляются весьма высокие требования в смысле насыщенности различной техникой, средствами связи и навигации. Важно подчеркнуть необходимость постоянного и многоаспектного сотрудничества СКР с силами безопасности тех стран, которые пытаются преодолеть состояние нестабильности и перейти к этапу постконфликтного развития [см.: Tull, 2020, S. 2–4].

Наибольший опыт создания СКР к началу XXI в. был наработан странами, активно использовавшими свой военный потенциал на глобальном уровне в ходе локальных конфликтов еще в период «классической» холодной войны. Из числа государств – членов Евро-Атлантического сообщества это, прежде всего, «старые» западные державы – США, Франция, Великобритания. ФРГ, обладая мощной ресурсной базой, находилась в связи с этим в «западывающем» положении. В период «классической» холодной войны бундесвер в принципе не использовался вне зоны ответственности НАТО, будучи предельно сфокусирован на участии в противостоянии Запад – Восток [The Bundeswehr ..., 2009, p. 14–27], т.е. представлял собой лишь мощные СОН.

2

Повышенную заинтересованность в использовании своих войск вне зоны ответственности НАТО правящая элита ФРГ стала демонстрировать уже в первые месяцы после присоединения ГДР (1990). Так, на Балканском полуострове эта деятельность принесла существенные результаты, позволив ФРГ утвердиться в роли модератора формировавшегося постъюгославского пространства. Напротив, на остальных, существенно более отдаленных от территории Германии направлениях, в 1990-е годы попытки разверты-

вания сил бундесвера для борьбы с угрозами нестабильности оказались неудачными (в Сомали) или носили сугубо точечный характер [The Bundeswehr ..., 2009, p. 53–58]. Помимо конъюнктурных трудностей, ключевой проблемой уместно признать отсутствие СКР: в случае конфликтов на Балканах с учетом их относительной географической близости к ФРГ роль сил кризисного реагирования успешно выполняли части из СОН, однако эта схема оказалась малопригодной для Африки и Азии. Здесь временное решение было найдено в преимущественном использовании военно-транспортной авиации и медицинской службы: эти вспомогательные рода войск обладали необходимой мобильностью, однако являлись лишь сегментами СКР в целом.

Работа по определению контуров их перспективного облика велась с начала 1990-х годов, однако конкретные параметры были сформулированы лишь в «Основах концепции развития бундесвера» (2004)¹. Почему? Выделенные выше базовые трудности на пути создания СКР в случае ФРГ дополнялись до 1991 г. отсутствием опыта использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО и теми «узкими местами», которые порождала модель развития «военной машины» страны, избранная в условиях свертывания противостояния холодной войны. Как и в случае всех крупнейших конфликтов, окончание этого конфликта (хотя он и не имел «горячей» фазы) привело к масштабным сокращениям вооруженных сил и военных расходов бывших стран-участниц. При этом по скорости данных редуций ФРГ уверенно обогнала не только все «традиционные» западные державы (США, Великобританию и Францию), но и подавляющее большинство «старых» стран – участниц Альянса в целом². С точки зрения автора, ключевая причина кроется в том, что ФРГ в 1990-е годы стремительно отошла от положения страны, не просто прилегающей к восточной границе зоны ответственности НАТО, но располагавшейся на «передовой» противостояния холодной войны, а потому находившейся в состоянии повышенного военно-политического напряжения. Соответственно, наблюдался «сброс» этого перегрева, растянувшийся на четверть

---

¹ Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2004. – S. 10–48.

² См.: Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1990–2010 // Communiqué PR/CP (2011) 027. – Brussels, 2011. – P. 4–6.

века (!). Так, в 1989–2018 гг. в случае ФРГ доля военных расходов от ВВП сократилась с 3,0 до 1,23%, численность вооруженных сил – с 485 до 178 тыс.¹, а количество дивизий в сухопутных войсках – с 12 до трех. В этих условиях в 1990-е – середине 2010-х годов вырисовалась следующая схема структурных реформ в бундесвере: создание, наращивание потенциала и использование СКР за счет сокращений СОН во всех отношениях. Одновременно в первой половине 2000-х годов были анонсированы планы по созданию двух дивизий СКР в составе сухопутных войск (автомобильной и сил быстрого реагирования), а также профильного соединения в ВМС². Они должны были составить основу войск СКР, предназначенных к использованию в зонах вооруженных конфликтов повышенной, а также средней и пониженной интенсивности. Согласно «Основам концепции бундесвера», численность двух этих видов сил кризисного реагирования определялась, соответственно, в 35 и 70 тыс., а сил общего назначения – в 147 тыс. военнослужащих [Varwick, 2007, S. 252–253].

Однако эти весьма амбициозные планы, реализация которых должна была прочно обеспечить ФРГ потенциал глобального миротворца, осуществлены не были. Так, к концу 2010-х годов в бундесвере удалось сформировать лишь одну дивизию СКР неполного состава. На судах ВМС, предназначенных для обеспечения присутствия в Мировом океане, численность сил кризисного реагирования бундесвера не превышала 15 тыс. военнослужащих³. Здесь следует учесть, что при использовании войск на значительном удалении от границ государств требуются: две смены военнослужащих (для осуществления ротации, обычно раз в полгода), а также наличие оперативного резерва как «подстраховки». Необходимо также учитывать, что порядка 45–60% от общей численности СКР составляют многочисленные вспомогательные, т.е. небоевые,

---

¹ См.: Financial and economic data relating to NATO defence. Defence Expenditures of NATO countries. 1990–2010 // Communiqué PR/CP (2011) 027. – Brussels, 2011. – P. 4–10.; Defence Expenditures of NATO countries (2013–2019) // Communiqué PR/CP (2019) 123. – Brussels, 2019. – P. 4–10.

² Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr, 2004 // Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2004. – S. 10–48.

³ Рассчитано автором на основе: Division Schnelle Kräfte – Spezialisten des Heeres // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (accessed: 1.11.2020).

подразделения (военно-транспортная авиация, связь, снабжение, команды управления и обслуживания дронов, штабы). Соответственно, в реальности к концу 2010-х годов ФРГ была способна одновременно развернуть из состава СКР не более 2–2,5 тыс. «активных штыков». При этом вне зоны ответственности НАТО к середине 2010-х годов использовалось порядка 7 тыс. военнослужащих, а во второй половине десятилетия – лишь 3,5 тыс. [Die Auslandseinsätze ..., 2018, S. 9–11]. Каким образом покрывалась данная разница? Посредством использования СОН: в частности, в составе крупнейших миссий бундесвера в Афганистане (ISAF, 2001–2014 гг., «Resolute Support», с 2015 г.) и Мали (MINUSMA, с 2013 г.) наблюдалось сочетание применения наземных подразделений сил общего назначения и сил кризисного реагирования. Соответственно, когда с 2014 г. в условиях стратегической конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ бундесвер был вынужден выделять наиболее боеспособные части СОН в состав вновь развертываемых группировок НАТО в Европе, это и привело к резкому сокращению возможностей ФРГ по обеспечению своего миротворческого присутствия на глобальном уровне.

Чем объяснялись столь ограниченные успехи в деле создания СКР? Неизменным ориентированием истеблишмента ФРГ на продолжение сокращений как самоцель при развитии бундесвера. Это было обусловлено, прежде всего, внутривластными причинами, сопряженными с тем, что в восприятии правящей элиты до середины 2010-х годов отсутствовали угрозы безопасности и обороны, которые могли бы стимулировать отказ от редукций. Так, в случае СОН вслед за упразднением корпусных штабов (кроме управления 1-го германонидерландского корпуса), в 2000-е – начале 2010-х годов была расформирована большая часть имевшихся в бундесвере дивизий и бригад. Приверженность логике сокращений привела и к пересмотру, в сторону существенных уменьшений, планов по созданию СКР.

Таким образом, в начале 2000-х – середине 2010-х годов официальному Берлину удалось выстроить четкую, отражавшую национальные интересы, схему структурных реформ бундесвера. Однако, выражаясь образно, созданный фундамент перспективных вооруженных сил, по сути, стал консервироваться (в ряде случаев давая трещины), не будучи «достроен» до полноценного здания.

Представлял ли опасность для национальных интересов ФРГ незавершенный, половинчатый характер структурных преобразо-

ваний бундесвера? Безусловно, да. Так, проецирование на территорию самой ФРГ и ее государств-партнеров по ЕС в 2015–2016 гг. мощных экзистенциональных (а не сугубо гипотетической как «российская») угроз безопасности – массовой неконтролируемой миграции и тесно связанного с этим роста террористической активности в самих странах – участницах объединения – не только хронологически совпало, но и было тесно связано с отмеченным выше уменьшением вдвое вклада бундесвера в международную миротворческую деятельность. Отсутствие адекватных по численности СКР стало одной из причин того, что Германия, в отличие от России, не приняла активное участие в борьбе со структурами международного терроризма в Сирии (а также Ираке – прежде всего, в смысле уничтожения боевиков и инфраструктуры ИГ), ставя таким образом себя в оборонительное положение перед угрозами нестабильности.

В 2016–2018 гг. ФРГ пошла на резкое увеличение своего военного присутствия в Мали (в составе миссии MINUSMA – в 7 раз) [Tull, 2020, S. 1–2], территория которого могла стать основанием «коридора угроз нестабильности», идущего из северной части Африки непосредственно к Средиземному морю (через Нигер и находящуюся в состоянии перманентного вооруженного конфликта с 2011 г. Ливию), и далее – к южным границам ЕС [Hanish, 2015, p. 1–3]. И в этом случае проявился фактор ограниченности ресурсного потенциала СКР ФРГ. Так, в наиболее конфликтогенных северомалийских провинциях присутствие бундесвера свелось, прежде всего, к развертыванию команд БПЛА, подразделений для охраны (в том числе с воздуха) базы «Лагерь Кастр» в Гао¹, в то время как наземные миротворческие подразделения были весьма незначительны (1–2 роты), что вновь иллюстрировало неготовность официального Берлина вносить весомый вклад в использование миротворческих войск «в поле». Германская сторона находила многочисленные тактические решения, позволяющие частично компенсировать слабость войсковой компоненты СКР. В частности, за счет роста объемов участия в военно-

---

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. – 2019. – 03.04. – S. 6–12.

тренировочной деятельности вновь создаваемых вооруженных сил стран, пытающихся встать на путь постконфликтного развития (прежде всего, Мали и государств «сахельской пятерки» в целом)¹. Также заметна активизация политико-дипломатических усилий в области урегулирования вооруженного конфликта (например, запуск Берлинской конференции для поиска прекращения гражданской войны в Ливии в январе 2020 г.). Эти тактические решения, однако, отнюдь не снимали проблемы наращивания потенциала СКР, а также и СОН. Так, последняя задача была обусловлена как конъюнктурными (рост вклада ФРГ в «сдерживание» РФ в военном отношении), так и объективными причинами – необходимостью поддержки растущих амбиций официального Берлина в НАТО и Евро-Атлантическом сообществе в целом, что, в частности, отчетливо проявилось в условиях глубокого кризиса отношений ФРГ с США при администрации Д. Трампа.

В 2017–2018 гг. Министерство обороны Германии озвучило долгосрочные (до середины 2030-х годов) планы строительства вооруженных сил. В них отчетливо прослеживается приверженность схеме институциональной реформы бундесвера: параллельное наращивание потенциала СКР и СОН, т.е. расконсервация фундамента перспективных вооруженных сил и его «достройка» до полноценного здания².

Пересмотр траектории развития германских вооруженных сил, которая сложилась в 1990-е – середине 2010-х годов, произошел сразу в двух направлениях. *Во-первых*, отказ от дальнейших сокращений бундесвера, что было чревато достижением негативной «точки невозврата» и тем самым созданием исключительных трудностей на пути не только усиления, но и сохранения имевшегося уровня военного присутствия ФРГ на мировой арене. Начало новой холодной войны оказалось для правящей элиты Германии скорее поводом, а не причиной отказа от ставшей губительной для

---

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. – 2019. – 03.04. – S. 6–12.

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen // DBWV. – 2017. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (accessed: 1.11.2020).

реализации державных амбиций модели развития вооруженных сил страны. Официальный Берлин перешел к последовательному наращиванию количественных и качественных (в том числе за счет насыщения автоматизированной техникой) параметров обеих составляющих бундесвера.

Во-вторых, наблюдался пересмотр иерархии двух его компонент с точки зрения первоочередного их усиления: на первое место вышли силы общего назначения, оттеснив на второе силы кризисного реагирования. Почему? Будучи объектом постоянных сокращений, СОН оказались в существенно более сложном положении, чем СКР. При этом именно на силы общего назначения полностью ложится нагрузка в выделении Германией континентов и штабных компонентов в состав многонациональных группировок НАТО (в составе сил передового развертывания (СПР) и особенно сил быстрого реагирования (СБР) Альянса) в Европе. ФРГ стремится подкрепить свои лидерские амбиции на уровне Евро-Атлантического сообщества демонстрацией способности и готовности играть роль «рамочной нации» в деятельности данных военных механизмов, тем самым позиционируя себя в качестве органичного старшего партнера для широкого круга малых и средних государств – членов НАТО и ЕС. Одновременно официальный Берлин сохранил заинтересованность играть роль «рамочной нации» и в случае международных миссий (миротворческих, по поддержанию мира и правопорядка, военно-тренировочных), развертываемых вне зоны ответственности Альянса под эгидой НАТО, ЕС, ООН и даже АС, что обуславливает необходимость наращивания потенциала СКР¹.

Каковы результаты по состоянию на начало 2020-х годов и перспективы структурных реформ бундесвера по родам войск? В случае *сухопутных войск* «платформой» перспективных СОН является 1-я танковая дивизия (1-я ТД) бундесвера, подчиненная управлению 1-го германо-нидерландского корпуса. 10-я танковая дивизия (за исключением 23-й горнопехотной бригады) играет в связи с этим скорее вспомогательную роль. Так, именно 1-я ТД

---

¹ Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen // DBWV. – 2017. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (accessed: 1.11.2020).

предоставляет контингенты для комплектования СБР НАТО (в том числе их «острия копья» – бригады сверхповышенной боевой готовности) и СПР. В состав 1-й танковой дивизии, помимо трех германских бригад (9-й учебной танковой, 21-й танковой и 41-й мотопехотной), интегрирована 43-я механизированная бригада нидерландских войск, в состав которой, в свою очередь, входят «тяжелые» подразделения бундесвера¹. Тем самым ФРГ, с одной стороны, частично компенсирует нехватку собственных СОН, с другой – демонстрирует практическую возможность создания постоянных двунациональных военных механизмов (на уровне дивизии и бригады), задача создания которых для стран – участниц ЕС и НАТО на практике оказывается весьма сложной. С высокой долей вероятности формирование двух запланированных к созданию «тяжелых» дивизий бундесвера (каждая по три бригады со стороны ФРГ)² будет происходить именно на базе 1-й танковой дивизии. Либо ее бригады (прежде всего, 9-я учебная танковая) будут иметь сдвоенный состав, и из них затем будут «отпочковываться» новые соединения, либо предоставлять часть опытного личного состава (до 50%) в состав вновь формируемых войсковых единиц.

В случае СКР в составе сухопутных войск следует ожидать увеличения числа войсковых бригад в составе дивизии сил быстрого реагирования. Так, помимо вспомогательных частей (прежде всего, сил военно-транспортной и разведывательной армейской авиации), в ее состав входила только одна германская (1-я) собственно боевая бригада, но завершено интегрирование 11-й нидерландской аэромобильной бригады³. В этом случае причины данной тактики идентичны детерминантам заинтересованности ФРГ в глубоко продвинутом сотрудничестве с официальным Амстердамом в рамках 1-й танковой дивизии. Формирование новой «легкой» дивизии будет происходить на базе соединения сил быстрого реагирования, притом дискуссионным остается определение состава вновь создаваемого соединения.

---

¹ Panzerdivision 1 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (accessed: 1.11.2020).

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen...

³ Division Schnelle Kräfte – Spezialisten des Heeres // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte> (accessed: 1.11.2020).

Лучшие результаты при проведении структурных реформ продемонстрировали военно-морские силы. В их составе роль СКР играет 2-я оперативная флотилия, предназначенная для обеспечения присутствия в Мировом океане, в составе трех соединений кораблей: одного – вспомогательного (ремонтные, транспортные, танкеры) и двух – фрегатов¹. Практика проведения различных операций на море показывает, что в реалиях XXI в. фрегаты перенимают от авианосцев (как последние от линкоров) роль наиболее активно используемых судов крупного класса. В связи с этим ФРГ, наладив производство собственных «больших» фрегатов типа «Саксония», оказывается в выигрышном положении. Пополнение ими 2-й оперативной флотилии станет ключевой задачей ФРГ в деле наращивания военно-морских сил кризисного реагирования. Они уже весьма боеспособны, позволяя ФРГ в начале XXI в. обеспечивать участие сразу в двух-трех военно-морских миссиях в различных акваториях мира, расположенных к северу и востоку от Африки и к юго-западу от Азии. В свою очередь, роль СОН в составе марине выполняет 1-я оперативная флотилия, имеющая по одному соединению вспомогательных судов, корветов, минных тральщиков, дизельных подводных лодок² (ПЛ; проекта 212 А). Здесь перед ФРГ также будет стоять задача не создания новой флотилии, но обновления и усиления материальной части имеющейся, особенно ПЛ.

Наихудшие результаты и, как следствие, наиболее неясные перспективы процесс структурных реформ имел в случае *военно-воздушных сил*. По сути, все шесть эскадр люфтваффе, укомплектованных боевыми самолетами (31-я, 33-я, 51-я, 71-я, 73-я, 74-я)³, были соединениями СОН. Почему? В отличие от сухопутных войск и ВМС, ВВС ФРГ почти не использовались вне зоны ответственности НАТО, особенно за пределами Европы. Наземные войска

---

¹ Einsatzflottille 2 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2> (accessed: 1.11.2020).

² Einsatzflottille 1 // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1> (accessed: 1.11.2020).

³ Luftwaffentruppenkommando // BMVg. – 2020. – Mode of access: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/organisation-/luftwaffentruppenkommando> (accessed: 1.11.2020).

располагали собственным значительным парком военно-транспортных и разведывательных летательных аппаратов. Показательно, что именно армейская (т.е. находящаяся в составе наземных войск) авиация, а отнюдь не ВВС, была в 2010-е годы абсолютным лидером по созданию команд разведывательных БПЛА. В этот период фирмы ФРГ сосредоточили внимание на разработке именно мало- и средневысотных беспилотников, т.е. действовали в интересах, прежде всего, сухопутных войск. Слабым местом выступает и недоукомплектованность группировки орбитальных аппаратов ФРГ (всего пять военных спутников, запущенных в 2006–2008 гг.), ограничивающих возможности по ведению разведки из космоса. Руководство Германии уже начало тщательную проработку данных проблем: симптоматично, что 21 сентября 2020 г., т.е. в разгар эпидемии COVID-19, был создан центр воздушных и космических операций бундсвера [Vogel, 2020, S. 1–2]. По мнению автора, это станет отправной фазой глубокой технико-технологической модернизации (как за счет пилотируемых самолетов, так и крупновысотных БПЛА) и структурных реформ ВВС ФРГ. С высокой долей вероятности Германия будет стремиться к созданию профильного соединения СКР в составе люфтваффе, а также развертыванию полноценной орбитальной группировки.

* * *

Одним из важнейших критериев дееспособности государства в сфере международной безопасности становится проведение завершенной структурной реформы вооруженных сил. Ее конечная цель – придание им максимальных возможностей с точки зрения географического (включая в перспективе и космос) и функционального использования при условии сочетания военнослужащих и автоматизированных систем.

В случае ФРГ процесс структурной реформы носил зигзагообразный характер. После непростого поиска самой схемы преобразований в 1990-е годы в последующее десятилетие были намечены четкие контуры и создана «платформа» перспективных вооруженных сил. Затем последовал этап фактического «замораживания» данного процесса. Он сменился к началу 2020-х годов стремлением (сохранившимся в условиях пандемии COVID-19)

завершить в течение полутора-двух десятилетий процесс институциональной реформы бундесвера, обеспечив за ним роль «рамочной нации» в формировании различных военных механизмов как на уровне Евро-Атлантического сообщества, так и мировой арене в целом.

Список литературы

- Атлас офицера. – М. : Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1979. – 396 с.
- Военная история государства Российского / В.А. Золотарев [и др.]; авт. колл. под рук. В.А. Золотарёва. – М. : Кучково поле, 2015. – 752 с.
- Дайнес О.В.* Военная стратегия между Гражданской и Великой Отечественной войнами // История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. – М. : Кучково поле, 2001. – С. 191–254.
- Дэвидсон Ф.Б.* Война во Вьетнаме. 1946–1975. – М. : Изографус, 2002. – 815 с.
- Пронько А.В.* Военная стратегия после Второй мировой войны // История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. – М. : Кучково поле, 2001. – С. 377–496.
- Синдеев А.А.* Реформа бундесвера: три этапа // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 86–94.
- Штемменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. – М. : Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974. – 512 с.
- Bartels H.-P., Glatz R.L.* Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – Ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. – 2020. – N 84. – S. 1–8. – DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A84>
- Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel / *R. Glatz, W. Hansen, M. Kaim, J. Vorrath.* – Berlin : German institute for international and security affairs, stiftung wissenschaft und politik, 2018. – 52 p.
- Forster A., Edmunds T., Cottey A.* The challenge of military reform in Postcommunist Europe. Building professional armed forces. – London : Palgrave Macmillan, 2002. – 260 p.
- Hanish M.* A new quality of engagement Germany's extended military operation in north-ern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. – 2015. – N 8. – P. 1–5.
- Kinzel W.* Mali, the Terror im Sahel und COVID-19 // SWP-Aktuell. – 2020. – N 25. – S. 1–4. – DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A27>
- Nichol J.* Russian military reform and defense policy. – London : Kindle Edition, 2012. – 71 p.
- The Bundeswehr on operations: publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin : Ministry of Defence, 2009. – 120 p.
- Tull D.M.* Deutsches und internationales Krisenmanagement im Sahel // SWP-Aktuell. – 2020. – N 43. – S. 1–4. – DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A43>

Varwick J. Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. – S. 247–258.

Vogel D. Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. – 2020. – N 79. – S. 1–4. – DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A79>

Ph.O. Trunov*

To the question of the outline of the structural reform of modern armed forces: the example of Germany

Abstract. In the XXIth century armed forces of world countries` face the need to counter the sharply increased range of security threats. The growing number of them are untraditional (have non-military character) and projected from distant regions. An effective answer can be found only by the structural reform of armed forces. During the XXth century the key direction of armed forces` structural reforms was the creation the new (technical) kinds of troops. In the XXIth century structural reform has another key direction, that is the creation of interspecific groupings of troops. Each of them should have its own geographical (near or far from the national borders) and functional (the types of security threats) zone of responsibility.

The goal of the article is to explore the realization of the scheme of armed forces` structural reforms on the example of the Bundeswehr. The reason of the choice of Germany is its unique position as the only emerging power among Euro-Atlantic member states.

The article explores the features and «narrow places» of the creation by Germany of scheme of perspective armed forces` creation and its realization from 1990-s until mid 2010-s. The author covers the results of the creation of general forces and forces of crisis management in the key kinds of troops (land, naval, air). The article shows the change of trajectory of the Bundeswehr`s development since the second half of 2010-s in the context of long-term plans aimed at the ending of the structural reform.

In the conclusion the author shows the importance of the armed forces` institutional reforms for the stats as the whole and Germany and the features of the dynamics of this process for the Bundeswehr.

Keywords: Germany; Bundeswehr; reform; the perspective view of armed forces.

For citation: Trunov Ph.O. To the question of the outline of the structural reform of modern armed forces: the example of Germany. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 187–206. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.07>

---

* **Trunov Philipp**, the Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (Russia, Moscow), e-mail: ltrunov@mail.ru

References

- Bartels H.-P., Glatz R.L. What reform the Bundeswehr needs today – food for thought. *SWP-Aktuell*. 2020, N 84, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A84> (In Germ.)
- Daines O.V. The military strategy between the Civil and the Great Patriotic wars. In: *The history of the military strategy of Russia*. Moscow : Kuchkovo Pole, 2001, P. 191–254. (In Russ.)
- Davidson F.B. *The war in Vietnam*. 1946–1975. Moscow : Izografus, 2002, 815 p. (In Russ.)
- Forster A., Edmunds T., Cottey A. *The challenge of military reform in Postcommunist Europe. Building Professional Armed Forces*. London : Palgrave Macmillan, 2002, 260 p.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., et al. *The Bundeswehr's foreign missions are changing*. Berlin : German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018, 52 p. (In Germ.)
- Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in north-ern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik, Security Policy Working Paper*, 2015, N 8, P. 1–5.
- Kinzel W. Mali, the terror in Sahel and COVID-19. *SWP-Aktuell*. 2020, N 25, P. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A27> (In Germ.)
- Nichol J. *Russian military reform and defense policy*. London : Kindle Edition, 2012, 71 p.
- Pron'ko A. The military strategy after the Second World War. In: *The history of the military strategy of Russia*. Moscow : Kuchkovo Pole, 2001, P. 377–496. (In Russ.)
- Sindeev A.A. Bundeswehr reform: three stages. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015, N 3, P. 86–94. (In Russ.)
- Shtemenko S.M. *The General Staff during the War*. The 2nd Book. Moscow : Military Publishing House of USSR's Ministry of Defence, 1974, 512 p. (In Russ.)
- The atlas of the officer*. Moscow : Military-Topographical Rule GS VS USSR, 1979, 396 p.
- The Bundeswehr on operations: publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr Missions Abroad*. Berlin : Ministry of Defence, 2009, 120 p.
- Tull D.M. German and international crisis management in the Sahel. *SWP-Aktuell*. 2020, N 43, P. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A43> (In Germ.)
- Varwick J. Bundeswehr. In: Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (eds.) *Handbook on German foreign policy*. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007, P. 247–258. (In Germ.)
- Vogel D. Bundeswehr and space. *SWP-Aktuell*. 2020, N 79, P. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A79> (In Germ.)
- Zolotarev V.A. *Military history of Russian state*. Moscow : Kuchkovo Pole, 2015, 752 p. (In Russ.)